

Надир Агасиев

отражения

12+

Надир Сулейман оглу Агасиев

Отражения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39832389

SelfPub; 2018

Аннотация

"Отражения" – это первая часть романа. Следуют еще две другие части: "Отражения в преломленном ракурсе" и "Отражения в нереальном". В первой части романа, который, в какой-то мере, есть мольба автора о своем главном герое, основном, два героя – Веисага и Автор. Они близки, отражаются друг в друге. Один – продолжение другого. Если прочитать имя героя Веисага наоборот, то можно увидеть, что это и есть автор – Агасиев. Чтобы различить героев, автор пользуется двумя различными шрифтами. Это роман основанный на ассоциациях героев.

*Мугам течет, как медленная мука,
и каждый нерв пронизывает дрожь.*

Мансур Векилов "Мугам"

"Дынгылда, сазым! Дынгылда, сазым!"

("Звени, мой саз! Звени, мой саз!")

Песня прошлых веков, которую пела моя бабушка

Рассказ этот был одним из тех, которые я записывать не собирался, придумался и ладно. Период, когда он зародился был для меня особенно плодотворным. Сюжеты вливались в меня с бешеной скоростью, скажем, где-то 60 мегабит за раз. Каждый требовал своего разрешения. А мне не писалось, только придумывалось. Рассказы во мне могли замешиваться на чем угодно, от пыли за окном, ветра в море, от слова услышанного, от части речи, части тела, как этот, зачавшийся от вытянутой нижней челюсти. Писал я эти рассказы в уме, как консервировал, складывал в ячейки памяти. Время от времени я выходил к ним в огромное, висящее на до мной поле, как тот удалец, что выйдет на улицу, глянет на село. И я окидывал взглядом поле свое. И мне тоже было хорошо. Подбрасывал в рассказы новые словечки и видел, как вновь начинали бурлить еще не описанные мною события. Я знал, что эти ненаписанные рассказы становятся для меня неким накопительным фондом, в каком-то смысле как накопительная часть пенсии, которую пенсионный фонд раздает всем после окончательного выхо-

да на пенсию. Так и я, когда уже ничего не смогу придумать, вернусь к своим "накопительным" рассказам, запишу их, они спасут от старения, продлят мою жизнь.

А этот, пока он совсем не захирел, я придумал объединить с несколькими другими, и сейчас, приступив к нему, даже не представляю, что, в конце концов, получится.

Я всегда мечтал, чтобы рассказы мои начинались как бы исподволь, но сразу захватывали. Это как в самолете, ты пристегнулся, несешься по взлетной полосе, думаешь, что еще есть возможность выйти, а потом миг, ты уже в воздухе, летишь, уже никуда не выйти и не деться никуда.

Вот так бы и рассказ суметь начать, чтобы захватывал миг, чтобы только слово прочел, а уже в полете, читаешь, пристегнут, не оторваться.

... Ну и концовка... Всегда позитивная, счастливая, немного ироничная. Типа: они полюбили друг друга, поженились. Жили долго и счастливо. И умерли в один день. Он от горя от ума, она от любви к нему. Похоронили их в одной могиле. Ее снизу, его сверху. Женщин все-таки надо закапывать поглубже...

...На двадцать первый день своего проживания в поместье Веисага Радльэ вдруг заметил выставленную на него нижнюю челюсть смотрительницы. Смотрительница спустилась на лифте с механическим приводом с третьего этажа усадьбы на первый, на очередной обход поместья, бросила взгляд на лежавшего на печи с ноутбуком в руках Веисагу,

челюсть ее так и вытянулась вперед, словно на чудо какое за-
смотрелась. "Лежишь, Веисагушка-Емелюшка, уже двадцать
первый день, между прочим, молодожен хренов!" – прочита-
л ее мысли Веисага, улыбнулся в душе.

Конечно, без своей верхней половины сказать все это у
челюсти не получилось бы, но промолчать об этом она могла
вполне красноречиво. И Веисага бы тогда растерялся. Пока
молчит, а потом ведь скажет. И что делать? Ведь надо будет
отвечать, подумал Веисага, а что ответить?

"Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять!"

Досчитать до пяти было методом Веисаги, позволяющим
ему сосредоточиться. Просчитав про зайчика до пяти, он
становился решительным, даже дерзким, мог ответить, по-
стоять за себя. Еще в школе, на уроке внеклассного чтения,
когда каждый выходил к доске читать какие-то стихи, Веи-
сага вдруг осознал, что не знает стихов.

– Гуд монинг, гуд монинг, гуд монинг ту ю, гуд монинг,
гуд монинг, ай эм гляд ту си ю! – четко выговаривая каждое
слово, продекламировал Веисага.

– А не по-английски знаешь? – спросила недовольно учи-
тельница, выбросив вперед нижнюю челюсть. Он чувство-
вал, как она его не любила.

– Могу! – ответил Веисага, закипая дерзостью. – Дались
ей стихи, – думал он про себя, – ну не люблю я стихов, не
запоминаю, что с того.

– Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, – сделал паузу, посмотрел на класс. – Во поле береза стояла, как бы мне кудряву заломати, – концовку Веисага пропел.

Класс хохотал.

– Садись! – сказали Веисаге.

Веисага сел, положив подбородок на ладони, неотрывно смотрел на учительницу, и как она могла когда-то казаться ему красивой.

Женщин он стал чувствовать рано. Он слышал и чувствовал женщин. С ними ему было легко и сложно одновременно. И про своих одноклассниц знал все, словно видел их всех насквозь на много лет вперед. Только старость их увидеть не удавалось. Не хотелось!

Про смотрительницу, родственницу жены, он понял с первого взгляда – незлая, властная женщина, слова поперек не скажет, но думает совсем не в унисон. Из другой породы сотворена, четкая, "без сучка и задоринки". Он посмотрел смотрительнице вслед, она шла к дальней комнате, потом перевел взгляд на ее ноги в новых, мягких бесшумных тапках. Пятка узкая, осанка гордая, сейчас, прежде чем скрыться, обернется, поймает мой взгляд на своих ступнях, взгляд надо убирать. Она обернулась, снова выдвинулась челюсть. Его трактат о пятках был им написан еще в девятом классе. Красивые ножки начинаются там, где заканчиваются, с пятки. Если пятка узкая, то и ножки красивы. Самим фактом написания трактата он как бы вел беседу с классиком: "...Только

вряд во всей России целой найдете вы три пары стройных женских ног." "Ужель и через сто с лишним лет не найти? – думал Веисага, – ужель их эволюция не коснулась?" Но ворошить свой трактат он не стал. Теперь можно начать разрабатывать трактат о челюсти, сказал себе Веисага, усмехнувшись.

Сейчас, лежа на печи, Веисага слушал через интернет мугам. Но мугам не слушался. Сколько Веисага не упорствовал, пытаясь вслушаться в мугам, тот Веисагу отвергал. Веисаге нестерпимо хотелось быть сейчас вместе со своими. Дома "час мугама". Дома мугам он никогда не слушал, а здесь, на чужбине, хотелось слушать его, покачивая от удовольствия головой, есть привезенный из района сыр-мотал, смотреть в жаркий полуденный час на раскаленный солончак Апшерона, на котором так вольготно ящерицам. Носятся в хаотичном броуновском движении. "У нас час мугама, где-то "система", а где-то, в такой же час его названный, из-за резкого внешнего контраста, брат-близнец, рыжий гигант Стив (рост 2 метра 5 сантиметров), бывший старший механик сухогруза "Ильич", а ныне одержимый художник, рисует акварелью брюнеток на пирсе Тасманова моря. Ветер развеивает черные локоны волос, натягивает, как парус, длинное, до щиколоток, цветастое платье.

Он частенько посылал Веисаге свои работы, натюрморты с кинжалами и сочными, разделенными надвое гранатами, женщин в ветреный, как в Баку, день на пирсе Тасманова

моря. Глядя на эти работы, Веисага думал, что пейзажи с женщинами Бурке удаются. Увидев его первых на пирсе женщин, Веисага подумал, что они грустны, и все как-то очень хорошо, правильно стоят на пирсе. Стоят, ничего не ожидая, просто печально. А это правильно, когда ничего не ожидаешь. То, что печально, это точно, иначе, что может привести в холодный ветреный день женщину на пирс. Печаль. "Молодец, Стивка-бурка", – отвечал ему мессаджем Веисага.

Со Стивом они "побратались" на Тикси, когда Веисага приехал исправлять сбой в компьютерной программе "Ильича". В нефтяном концерне он, как компьютерный специалист, был востребован, но тогда еще не перешел на обслуживание клиентов по "отдаленной" от объекта программе.

Сырой, туманный Тикси. Там и шагу без канатной привязи от избы-гостиницы до "зависшего" на приколе сухогруза не ступить. Надо было идти, строго держась за канат. Веисага пошел. До пристани он не дошел всего шагов тридцать. Его хватились минут через десять. Нашли промокшего от сырого, непроглядно густого тумана в пяти метрах от канатной привязи. Барахтался в пробоине размытого люда. Нашел механик экипажа Стив, притащил на себе на корабль.

Веисагу отогрели. "Да вы, оказывается, братаны, «братья-близнецы», – шутили механики, – в сауну идите отогреться". Конечно, близнецы, причем натуральные, и объединяло их что-то неуловимо родное; близнецы, как же иначе, один рыжий, другой черный; высоченный гигант, качок –

Стив и невысокий Веисага, но тоже качок.

– Стивка-бурка, вещей и рыжий, – шутил Веисага, – встань передо мною, как лист перед травой. Поговорим.

– Отстань, – Стив поворачивался на другой бок. Стиву страстно хотелось в Оймякон до наступления холодов. Он собирался там зазимовать, писать его пейзажи. Он видел на снимке, на заледеневшей эстакаде, девушку в черном, суметь написать акварелью в черно-белом – это самое то. – Отстань, ты быстрее кончай с компьютером, надоело здесь торчать. – Потом вскакивал, забрасывал Веисагу за плечо, нес по палубе вниз, в машинное отделение сухогруза. – Делай давай, чтобы к завтрашнему дню все закончил.

В Баку, к Веисаге, Стив приехал через 5 лет. Месяц прожил с мечтой увезти с собою черноокую смуглянку.

Певец заканчивал; последние аккорды тара; тонкий звук кеманчи. В наушниках "зазвучала" тишина. Веисага вдруг обратил внимание, что с удовольствием слушает тишину. Она принимала его всего, всасывала в себя, он с готовностью мог ей подчиниться, знал, она примет его всего вместе с неумемной ностальгической тоскою. С тишиною можно делить тоску, – подумал Веисага, – но радостью с нею не поделишься.

Диктор радио объявила название следующего мугама и певца. Веисага, не снимая наушников, спрыгнул с печи, сел в кресло. Мугам продолжал не слушаться...

... мугам и у меня не слушался. Я сидел перед телевизио-

ром, не слушал мугам, лишь передразнивал, корчил рожи исполнителю. "Я-у-у, я-у-у, аман!"

"Да этот певец кёса, – говорил я мысленно отцу, усадившему меня перед телевизором слушать мугам.-Долго ему с такими страданиями не протянуть. Прямо сейчас и кончится. Сто лет человеку, все поет, несолидно..."

"Урок мугамной муки" был назначен мне отцом во мое исправление. Каким-то излишне интернациональным, далеким от всего народного я ему казался. Ему ли, представителю партийной номенклатуры, пусть даже среднего звена, беспокоясь о чадах своих, не думать о том, что будет. Он не прививал мне мугам, надеялся пробудить народность.

Он увидел однажды, как я вроде бы молился. Но я не молился, просто стоял в углу и шептал. Я просил здоровья для мамы, и чтобы Генка не уезжал. Мама уже тогда часто болела, и отец, невольно испугав меня, сказал однажды, как старшему из братьев, что нам всем надо ее побереечь.

Генка же уезжал каждый день, с самого раннего детства. "Сяду на деверу, – говорил он, – поеду Расею!"

Дерево, на котором он ездил в Россию – тутовник с сочными белыми плодами у калитки их дома. Мы много раз с Генкой лазали на него. Генка забирался на самую вершину, ел плоды и уносился в свою "Расею".

– До России не доедешь, – мысленно говорил я ему, – тут там не растет.

Много лет назад он все же уехал, и уже, к сожалению,

и к боли души моей, умер. Тутовник заболел, укоротился, уже нет в нем той стати, что уносит в "Расею". Дерево осталось как-то вдруг без ветвей, просто макушка прямо на стволе. А сам ствол покрылся наростами, будто хранил в кольцах нароста историю и тайные мечты Генки, а может, просто заболел чем-то неизлечимым.

Всякий раз, вспоминая эту мугамную пытку, я вижу себя, нетерпеливо ерзающего на стуле, корчащего рожницы исполнителю, проклинающего всю музыку на свете. И слышу крик соседского петуха. Забредя к нам, он стоял посреди грядки и кричал.

Потом ему начинал вторить издали фальцетом петух Греб...овых. Греб...ковы вспоминались мне всегда вместе со своим бойким тонкоголосым петушком. Я даже думал, что фамилия у них от петушиного гребешка. И не знал, что они были евреями. Это, конечно, больше являлось свидетельством моего интернационализма. Я не знал, что еврей и мой одноклассник Ленька Г. Встретившись с этим веселым, неунывающим человеком уже довольно в зрелом возрасте, когда всю культурировалась народность, я спросил:

– А ты не еврей?

– Я-в-ре-ей, – сказал Ленька, смеясь, растягивая это короткое слово. Ответил, как мне показалось, с достоинством, заслуживающим уважения.

Теперь я уже навсегда про Леню только и знаю, что он был евреем, и что он первым из нас, еще в пятидесятые

годы, учась в начальной школе, надел джинсы. Он зашел в класс в смешных для нас штанах.

Тогда я познакомился с джинсами, хотя и не знал, что это джинсы. Множество карманов на его синих штанах вызвали восторг, смех и зависть. Во мне, наверное, зависть, коль я запомнил столь незначительный эпизод. Действительно, незначительный, мало ли кто в штанах смешных ходит.

Мугам продолжался, ненавистный певец пел, на грядках кричал петух и ему вторили фальцетом. Потом мама назидательно тихим голосом сказала:

– Перестань гримасничать, он, между прочим, родственник наш машагинский.

Когда мама говорила тихим голосом, я всегда становился послушным. Мне казалось, что у нее опять болит сердце. Вспоминал, как отец просил нас беречь маму. Я замолкал, начинал просить небеса, чтобы маму мою не трогали. Но тогда, услышав тихий голос мамы, почему-то не мог успокоиться. Словно знал, что ханандэ этот дан мне на долгие годы.

" Ну и умолк бы, почему бы вам, машагинцам, его не унять, чего ради в телевизор залез. Пел бы в Машага, и баста".

Потом вдруг в какое-то мгновение я почувствовал, что мугам начал меня пробирать, схватив, швырнул оземь на лопатки. Хриплый голос певца "аман, ярым!" звучал внутри

меня. Проходя сквозь меня, как бы через фильтр, очищался, отдавался в душе такой болью, что тоже хотелось прошептать "аман".

Прочь, прочь, прочь, гнал я вон из себя пробирающий меня до дрожи голос певца. Мне надо на футбол, я должен забить гол Ференца Пушкаша.

Прочь, прочь, прочь, – говорил я этому певцу и лет через двадцать, когда увидел его вживую, вне телевизора, в Губернаторском садике перед филармонией.

Мамы с отцом моим уже давно не было, мне было вовсе не до мугама. Я вышел из редакции, в Губернаторском саду перед филармонией, на "сходняке" музыкантов, где они нанимались на свадьбы, увидел вдруг и сразу же узнал моего "учителя" мугама, маштагиского ханандэ, раньше родственника, а теперь нет, раз уж нет мамы. Он сидел на скамейке, ждал клиентов.

– Не-ет, – сказал я себе, – сегодня к тебе не подойдут, тебе, маэстро, или как тебя, там, ханандэ, сегодня не повезло. Не твой день, земляк, ты встретил меня.

Я мыслями гнал прочь от него всех возможных "покупателей". Как-то не по себе было, мамы с отцом, совсем еще не старых, мамы так вообще, уже нет, а этот старец, учитель юности моей, все еще поет. Все бабки делает. Я приделал ему муху.

"Так, так, сняли протез, резко сжали челюсти, сморщился нос, свел брови. Все, муха готова"

Сделать муху, это было из детства.

– ДядьСаша, сделай муху, – просили мы беззубого старика; то ли сторожа поселкового парка культуры и отдыха, то ли садовника, а может, просто бомжа. ДядьСаша всегда был в парке, сидел себе в тени, недалеко от скульптурной композиции, на которой Ленин со Сталином сидят на скамейке.

Муху делал он по настроению, сжимал беззубые челюсти, щурил, "видавшие смерть" и войну глаза, на заросших щеках появлялись ямочки, он жужжал, и при небольшом воображении, действительно, становился похожим на гигантскую муху.

Однажды, когда ДядьСаша, по нашей с Генкой просьбе, сделал муху, я увидел проступившие слезы на его зажмуренных глазах. Эх, что нам стоило оставить ему наши гроши, выданные на школьный завтрак. Просто оставить на скамейке, он бы нашел.

Теперь я и сам могу с легкостью сделать своим внукам муху. Платой был бы детский восторг. Но не делаю. Беззубость скрываю, да и не такой обаяшка, чтобы рожки корчить. И уверенности в том, что живу правильно, нет.

Муха ДядьСаши при его сжатых беззубых челюстях, зажмуренных, чтобы не видеть белого света, глазах с капельками слез на ресницах – умение отвлечься от себя наносного, быть таким, какой есть. Словом, жить, как говорил Генка, не горбась.

...Муха ханандэ не подошла бы, не было у него такого обаяния, которым обладал ДядьСашиа. Но он должен был посидеть на скамейке немного муха мухой. Потом бы я его отпустил. И нагнал бы на него нанимателей. Пока пусть посидит.

Сидели мы с ним на скамейках через три метра друг напротив друга. Я его знал, популярного такого, а он меня, нереализовавшегося, нет.

– Ладно, ханандэша, не горбись, подойдут к тебе еще. А я пока посижу с тобой, посмотрю на тебя, навевающего тоску, потом уйду. Ты знаешь, ханандэ, в тот самый день я должен был забить гол Пушкаша.

Мне бы тогда сознаться отцу, что надо позарез на футбол. Сознаться, что в футболе со мною свершаются чудеса. Матч сначала мне грезится, я вижу его перед собой как на экране, а потом, словно в записи, все эпизоды в матче с моим участием, с точностью один к одному, повторяются наяву, в реальной игре.

В тот день, ханандэ, все футбольное во мне прекратилось. Оставалось, правда, еще несколько не свершившихся, как бы обещанных мне футбольных голов, и они как-то большие случайно, чем закономерно случились позже. Самый последний из них я помню, он неким укором всегда со мною.

При угловом на наши ворота я знал, что должен был остаться в центре поля. Мяч прямо с углового полетит ко мне, я просто, подхватив его, побегу забивать гол. Я был

очень удивлен, когда увидел, что мяч полетел не ко мне, а в наши ворота. Как же так, мяч должен был непременно полететь на меня. И тут, будто вспомнив про обещанное, мяч выбили с вратарской прямо ко мне, я, подхватив его, побежал. Что-то не то, – мелькнуло у меня в мыслях, словно было сказано мне, что вот на тебе, обещали, получи, забей и отстань. Было обидно принимать подачку, не буду забивать, я ударил по мячу почти с самого центра, просто отшвырнул от себя. Мяч, поднявшись вверх высоко над полем, полетел к воротам. Какое-то хотабычское веление несло его к чужим воротам, и он спокойно, минуя, вдруг ставшие нерадивыми, руки вратаря, опустился в ворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.